

УДК 82.09

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАЛОГО ЖАНРА: О НОВЕЛЛИСТИКИ БОРИСА ЕКИМОВА

© 2013 А.И. Смирнова, В.Б. Смирнов

Московский городской педагогический институт, Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 6 июля 2013 г.

Аннотация: в статье речь идет о творчестве волгоградского писателя Бориса Екимова — одного из лучших современных новеллистов, анализируются рассказы «Холюшино подворье», «Последняя хата», «Девушка в красном пальто», «Фетисыч» и др. Основное внимание в статье уделяется специфике нравственной проблематики, особенностям типа героя, авторской позиции в произведениях Б. Екимова, что позволяет ему расширить жанровые границы «малой формы», раскрыть духовную эволюцию героя, открыть новый тип героя (Холюша, Фетисыч).

Ключевые слова: рассказ, жанр, тип героя, авторская позиция.

Abstract: the article focuses on the creative work of one of the best contemporary novelists — the writer Boris Ekimov from Volgograd,. The author of the article analyzes the short stories "Holyusha's Farmstead", "The Last Hut", "The Girl in Red Coat", "Fetisych", and others. The main attention is paid to the specific moral problems, the peculiar features of the hero type, the position of the author in the works by B. Ekimov that allows to expand the boundaries of the genre of "small forms", to reveal the spiritual evolution of the hero, to open a new type of hero (Holyusha, Fetisych).

Keywords: short story, genre, type of hero, the author's position.

Споры о том, может ли новеллистика, «малый» эпос, удовлетворять «крупные» запросы времени, периодически возобновляются в критике и работах теоретиков жанра. Рассказчиков упрекают в мелкотемье, в отсутствии «масштабных» характеров. Когда-то в ответ на такие упреки Михаил Зошенко остроумно, но не безошибочно заметил, что «не подряжался на ялике перевозить рояль». Не безошибочно потому, что на зошенковском ялике, по словам одного из друзей писателя, «умещались и перевозились вещи покрупнее, погабаритнее, потяжелее рояля — размещалась и перевозилась эпоха...». Эти слова по праву можно отнести и к волгоградскому прозаику Борису Екимову. Исследователь В. Сердюченко по «общему пафосу» дарования ставит его в один ряд с Л. Толстым, Гончаровым, Тургеневым, отмечая при этом: «Его рассказ "Фетисыч" является одним из вершинных завоеваний малой прозы XX века. После "Судьбы человека", рассказов В. Шукшина, "Одного дня Ивана Денисовича" в ней не появлялось чего-либо подобного» [3, 87].

Уже первые публикации екимовских рассказов в центральных журналах привлекли к нему внимание, особенно после того, как в «Нашем современнике» в 1979 году (№ 3) был напечатан рассказ «Холюшино подворье». Судьба старика Холюши (полное имя героя Варфоломей

Максимович Вихлянцев) потрясала и вызывала сочувствие, удивление, недоумение, заставляла задуматься: кто он — невольник своего призвания или жертва времени, и в чем смысл его жизни? Борис Екимов психологически тонко и достоверно запечатлел живого, а не сконструированного человека, с присущими ему особенностями и странностями, и в то же время отобразил тип личности, порожденный определенной социально-исторической и политической системой. Именно поэтому с готовыми мерками невозможно было подойти к екимовскому герою, как и к оценке авторского отношения к нему.

Реальная жизнь оказывалась гораздо многообразнее и сложнее, чем, если бы писатель задумал «сочинить» историю жизни Холюши, которую забыть уже было невозможно. Известно, что прототипом героя стал реальный старик Холюша, проживавший в Клейменовском хуторе Новоаннинского района Волгоградской области, имя и прозвище которого писатель сохранил в рассказе. Эта жизнь в изображении Екимова предстает узнаваемой и непритязательной, он открывает в ней глубинный смысл, скрытый в будничном существовании и однообразии повседневности. Холюша со всеми его достоинствами и недостатками взращен тем общественным феноменом, который Глеб Успенский назвал «властью земли», одухотворен «поэзией земледельческого труда», которая удовлетворяет крестьянина и нравствен-

© А.И. Смирнова, В.Б. Смирнов, 2013

но, и эстетически, является одновременно и средством, и целью, и смыслом жизни.

В коренном земледельце, который в эпоху научно-технического переворота, коснувшегося и деревни, становится монстром, наподобие Холюши, потребность трудиться была доведена до уровня физиологической потребности, зачастую заставляя человека подниматься со смертного одра. Потребность эта становилась и нравственной нормой человеческого существования там, где труд был единственным источником приобретения материальных благ, что нашло отражение и в устном народном творчестве. Трудиться плохо, спустя рукава нельзя — засмеют, считает Холюша. И это моральное начало в нем гораздо сильнее и активнее возможных самооправданий: ведь и годы не те, и силы не те, и нога деревянная к тому же... Да и никакого греха нет убраться от смеха подальше, в собственный городской домик.

Но изменить своему жизненному призванию Холюша не в состоянии. Не по слабости воли, а по нравственной стойкости характера. Ему проще умереть на своем подворье, «ткнувшись в землю почернелым лицом», выпустив из рук цебарку, которая «со звоном катилась до самых ворот...» [2, 260].

Критики справедливо отмечали, что герой Бориса Екимова сродни Пелагее Ф. Абрамова, Катерине В. Белова, старухе Анне В. Распутина. Но у Холюши есть и более близкие «родственники», живущие по тем же нравственным законам. Это, к примеру, баба Поля из рассказа «Последняя хата» или мать Степана из рассказа «Переезд». Они принадлежат к тому же социально-психологическому типу, который является излюбленным объектом художественного исследования Бориса Екимова, рисуемым без предвзятости и бездумной идеализации.

Как и Холюша, баба Поля — плоть от плоти деревни, частица самой природы, живущая ее велениями. Даже больная, она сама обрабатывает огород, чтобы было «своею рукою, по-хорошему», хоть и пришлось ей потом целую неделю «пластом лежать да ползком ползать». Зато живет она с чистой совестью, «по-божески, по-человечески». Так она и умирает в своей невзрачной хатенке, моля перед смертью Бога не за себя, а за детей, «которым жить да жить, жить да радоваться». Умирает спокойно и чисто, как умирали на Руси праведники.

Рассказ «Девушка в красном пальто» раскрывает другую грань екимовской новеллистики. Писатель постоянно сосредоточен на нравственной проблематике. В характере человека его чаще всего интересует момент нравственного перелома, неожиданного — зачастую для самого героя — зарождения новых жизненных представлений под влиянием каких-то событий, всколыхнувших его Душу. Причем с особенной симпатией Б. Еки-

мов рисует героев, начинающих осознавать свое человеческое предназначение, задумываться над философскими вопросами. Так происходит с Володей, на глазах которого машина сбила девушку в красном пальто, что заставило его впервые задуматься о ценности каждой человеческой жизни.

Сходная психологическая коллизия представлена и в рассказе «Все для доченьки», в котором чувство сострадания к девушке, надрывающейся в непосильном труде, заставляет Петровича «с молодой бесшабашностью» выступить против казенного благодушия, граничащего с бездушием, свидетельствующего об угасании святого чувства любви к ближнему своему. Именно родными, близкими воспринимает всех Петрович, поднявший бунт во имя справедливости.

Эти герои, как и «веселый блондин Володя» из одноименного рассказа, близки по духу самому автору. И своих симпатий к ним он не скрывает. Однако в художественном мире писателя этим героям противостоят другие, «нелюди». О них автор говорит и в рассказе «Веселый блондин Володя», и в «Офицерше». Еще более понятие «нелюди» относится к моральным дистрофикам из рассказов «Поздно вечером» и «Звонок, еще звонок». Они из того же поколения, что и веселый блондин Володя, и другой Володя, которого неотвязно мучит видение девушки в красном пальто. Однако если Володи предстают перед нами в стадии своего духовного пробуждения, то их противники, «нелюди», демонстрируют свою духовную опустошенность, граничащую с преступлением... Однако автор не упрощает их, стремясь отыскать в них проблески «покаянных» настроений.

Новеллистика Бориса Екимова выполняет важную общественную миссию, пытаясь не просто пробудить в человеке совесть, но заставить его устыдиться, обратить свой гнев на самого себя. А эта самокритика — важный шаг на пути к нравственному совершенствованию, к пониманию того, что собственнические инстинкты, общественный индифферентизм, философия самосохранения не могут быть идеалами высокого человеческого общежития. Не случайно в рассказах писателя особым теплом согреты люди, нашедшие в себе силы единожды встать над сложившейся обыденностью своего существования, преодолеть себя настоящего во имя себя будущего — на порядок выше по истинно человеческим качествам. Подобный тип героя воплощается в образе «офицерши» Шуры, которая бросилась в трудную самостоятельную жизнь, лишь бы не видеть ставшей ненавистной ей физиономии предателя-мужа. «Главное было в том, что сейчас она жила именно так, как должна была жить, как хотела всегда».

Под стать «офицерше» и другая Шура, героиня рассказа «Шурочкино племя», тоже

резко изменившая свое существование во имя «человеческой жизни, как у людей». Или же трогательный мученик совести Илья Давыдович («Солист какого-то оркестра»). Не простив себе, что ребята-школьники единственный раз увидели его нетрезвым, он по собственной воле покидает совхоз, уходя в неизвестность, потому что не может теперь с чистой совестью требовать от своих подопечных соблюдения нравственных норм, через которые переступил сам.

В заглавия многих рассказов Бориса Екимова выносятся имя героя: «Солонич», «Тарасов», «Чикомасов», «Фаина», «Атамановы», «Тюрин», «Мишка», «Дед Федор», «Виктор», «Фетисыч». Как правило, за именем героя стоит судьба, характер.

Рассказ «Фетисыч» начинается и заканчивается природными описаниями. Если в начале произведения речь идет о поздней ненастной осени, то в финале картина меняется. Нудный осенний дождь прекратился, а на смену ему «пошел густой снег. К утру насыпало его по колено» [1, 198]. А между ними – повествование о двух днях из жизни «девятилетнего мальчонки Якова с серьезным прозвищем Фетисыч» (его так звали «за разговорчивость, за стариковскую рассудительность, которая приходилась то кстати, а то и совсем наоборот» [1, 175]).

Уже в самом начале произведения намечается контраст, противопоставление маленького героя окружающему миру. Поздняя ненастная осень, пора долгих утренних и вечерних сумерек, когда даже в полдень «на дворе – ни свет, ни тьма». «Сумеречное» состояние природы, безрадостные будни дома, неизменные укоры матери, адресованные злему с похмелья отчиму. Среди этого живет Яков и, как может, противопоставляет окружающему. «Глаза его сияют восторгом», когда он рассказывает о синем огне, озарившем темноту сарая. Ему хочется делать добрые дела и дарить другим радость, хотя близкие воспринимают это как «причуды». За «добрые дела» отчитывают, на радостную новость о пятерках не откликаются. Однако настоящим испытанием для Фетисыча становится смерть учительницы Марии Петровны. И мальчик ведет себя совершенно по-взрослому, полностью оправдывая свое «прозвище». Он заменил ее в школе, все сделал так, как поступила бы Мария Петровна, не достигни ее смерть в сарае возле угольного ящика.

Внешней неказистости облика героя противопоставляются внутренняя сила и основательность. В нем органично сочетаются детская доверчивость, открытость и взрослая рассудительность. Будучи ребенком, он верит в колдовство и в существование нечистой силы, тайно надеется, что учительница еще может воскреснуть. И в то же время проявляет недетскую способность брать

на себя ответственность, утраченную в окружающей жизни взрослыми.

«...Он решил, что о смерти учительницы в классе говорить сейчас не станет. "Про уроки забудут, – подумалось ему. – День пропал, его не вернешь", – повторил он слова учительницы» [1, 182]. Благодаря Фетисычу этот школьный день ничем не отличался от других: «Так было всегда. Так было и нынче...» Все шло по заведенному порядку, установленному старой учительницей. Вопреки ее смерти, вопреки ненастью за окном. Среди «невиди» сельская школа оказывается тем островком, где дети живут своей жизнью, где им веселее и свободнее, чем дома, островком, противостоящим всему остальному миру.

И на этом островке усилиями Фетисыча даже после смерти Марии Петровны продолжается жизнь. «И уроки шли, как и раньше: по расписанию, с переменами» [1, 187]. «Натурный», по определению матери, Фетисыч сам отправляется на поиски нового учителя за десять километров в хутор Алешкин. По его разумению, директор школы в Алешкине Галина Федоровна – из их хутора, она «всех знает» и поможет найти замену.

Во второй части характер Фетисыча находит углубленное психологическое раскрытие благодаря ситуации выбора, выпавшей на его долю: переселиться в Алешкин хутор, жить в доме «директорши Галины Федоровны» и учиться в «настоящей школе», или же остаться в своей школе с другими детьми, с «одним разьединным классом». Автор психологически тонко, без нажима, раскрывает напряженность душевных переживаний героя: от захлестнувшей поначалу радости («сердчишко колыхнулось от неожиданной радости») до горя. Перемена в настроении Фетисыча происходит постепенно. Домой Яков «словно на крыльях летел ... Дорога к хутору была уже дорогой к новому, к завтрашнему, дню...» [1, 192]. Однако вскоре радость омрачается мыслью о том, что будет с Капустиными, с Крохой, со школой. Решение дается герою трудно, потому что проще отвечать только за себя, и намного сложнее за тех, кто в тебе нуждается и верит тебе. Именно поэтому Фетисыч и не может сказать детям о своем отъезде в Алешкинскую школу. И снова продолжает вести уроки.

В решении своем Яков укрепляется постепенно. Приход в школу бригадира Каледина – важный эпизод в сюжете рассказа, он является поворотным моментом в развитии действия. Еще не сделав окончательного выбора, Яков внутренне готов к тому, чтобы остаться в родной школе, вместе с детьми. Об этом свидетельствует его ответ бригадиру на предложение заниматься у Башелуковых в доме: « – А библиотека? – бледнее от волнения, показал он на шкафы с книгами. – А наглядные пособия?

А уроки физкультуры? Комиссия какая приедет, и будем не числиться. А беженцы, какие места ищут? Подъехали. Есть школа? Вот она, — убеждал он бригадира. — Значит можно жить. А увидят замок — и развернутся» [1, 194]. Девятилетний Фетисыч находит убедительные доводы, и бригадир прислушивается к его мнению. При прощании, пожав Якову руку, он говорит: «— Держись, Фетисыч. Учительницу найдем. А пока на тебя вся надежда» [1, 195]. В контексте повествования слова бригадира не воспринимаются как шутка. В них — смысл авторской позиции. Среди стихии всеобщей разрухи, «когда все вокруг прахом шло», Фетисыч остается на своем месте, отстаивая — в силу природного ума и детской веры в прочность заведенного порядка вещей, — интересы горсточки учеников, в сущности, спасает школу. Так он противостоит стихии разрушения, царящей вокруг.

И окончательное решение приходит к нему ночью. Он просыпается в испуге оттого, что уже завтра его будут ждать Галина Федоровна, муж ее, баба Ганя. Переехать же к ним он не мог, «потому что нельзя было оставить свою школу. Тогда там все кончится, рухнет. Не будет уроков, повесят замок, цветы померзнут. А через неделю — это Яков знал точно — школу разгромят. Сначала вынут стекла... потом снимают двери, окна вырвут. И пойдут курочить... К Новому году от школы останется лишь пустая коробка с черными проемами. Так растаскивали клуб, детский садик, медпункт. Так будет со школой» [1, 197].

Фетисыч совершенно отчетливо понимает, что «без него все пойдет прахом». В его душе борются ответственность, навалившаяся на него, и желание учиться в Алешкинской школе, жить в доме директорши, в котором много книг. «И от бессилия что-либо изменить Яков заплакал», хотя такое с ним случалось редко. Не зря мать его называет «бычком упористым». В слезах Фетисыч засыпает и вновь плачет во сне. При той рассудительности и ответственности, которыми наделен, он всё же остается ребенком. И нуждается в том, чтобы уставшая от тяжелой жизни мать сердцем почувствовала тревогу за сына, услышала его плач и пришла утешить: «— Я здесь, мой сынок... Не плачь... Ну не плачь...» [1, 198]. Что-то изменилось в мире к лучшему: он еще мальчик, вдруг ощутивший материнскую ласку и заботу.

Заканчивается рассказ словами: «А за окном менялась погода». «К рассвету прояснилось. Заря вставала уже зимняя, розовая. Хутор лежал вовсе тихий, в снегу, как в плену. Несмелые печные дымы поднимались к небу. Один, другой... За ними — третий. Хутор был живой. Он лежал одиноко на белом просторе земли, среди полей и полей» [1, 198]. Этот финал обнадеживает: как в природе день сменяется ночью, а ненастье — ясной погодой, так и в жизни людей на смену беспорядку и хаосу должны прийти порядок и созидание. И залог этой уверенности автора — в идее рассказа: девятилетний Фетисыч, переживший разруху, противостоит ей и берет на себя ответственность за сохранение «лада» в жизни.

Борис Екимов в своих рассказах обращается к эпохе исторического «разлома» в жизни деревни, выпавшего на послевоенное и постсоветское время. На образах детей автор показывает, какие социальные сдвиги происходят в ситуации всеобщего развала и хаоса. И ребенок оказывается тем «индикатором», который наиболее чутко реагирует на них и указывает на неблагополучие в жизни общества.

Перу писателя принадлежат многочисленные рассказы и повести, роман «Родительский дом», однако Екимов остается прежде всего рассказчиком — самобытным, ни на кого не похожим. Именно поэтому его имя сложно поставить в определенный типологический ряд. В. Сердюченко высоко оценил екимовский рассказ, заметив, что его главный герой Фетисыч «удерживает на себе пирамиду человеческих существований, а Б. Екимов, если угодно, уравнивает всю большую, исписавшуюся, лишившуюся царя в голове современную российскую словесность» [3, 87].

Новеллистика Бориса Екимова поднимает сложные социально-нравственные проблемы повседневного существования, о которых зачастую умалчивает и романистика, тем самым совершая великое дело нашей духовной реанимации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Екимов Б.П. Пиночет: повести и рассказы / Б.П. Екимов. — М.: Вагриус, 2000. — 413 с.
2. Екимов Б.П. Белая дорога. Рассказы / Б.П. Екимов. — Волгоград: ГУ «Издатель», 2004. — 416 с.
3. Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия / В. Сердюченко // Вопросы литературы. — 2000, № 4. — С. 77–97.

*Смирнова А.И., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета.
Смирнов В.Б., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Волгоградского государственного университета.*

*A.I. Smirnova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature and Folklore of Moscow State Pedagogik University. Tel.:
V.B. Smirnov, Doctor of Philology, Professor of the Journalism Department of Volgograd State University.*